

Раздел 3

СФЕРА КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Б.В. Дубин.
*Всероссийский центр изучения
общественного мнения*

К вопросу о доверии: элементарные формы социальности в современном российском обществе

Проблема массового доверия/недоверия к социальным институтам общества в последнее время снова привлекает внимание социологов (равно как и их "заказчиков"). Это связано с комплексом сегодняшних проблем и вытекающих из них задач: определить основания сложившегося баланса сил и тенденций в обществе, а также потенциал и направления его вероятной динамики в ближайшее время и в перспективе; оценить возможности регулируемых изменений "сверху" в этих рамках; осознать параметры и характер поддержки соответствующих инициатив со стороны президента и его команды; оценить возможное влияние на них со стороны общественного мнения, равно как масштабы и формы пассивного противодействия "верхов" на массовом уровне.

Данные опросов ВЦИОМ на этот счет приводились в "Мониторинге", не раз анализировались с особенной пристальностью Ю.А.Левадой¹. Я бы хотел сейчас подойти к этой теме не столько со стороны *доверия* и его антропологической основы — конструкции

¹ См.: *Левада Ю.А.* Факторы и фантомы общественного доверия // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 7-12 (перепечатано в кн.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. М., 2000. С. 111-124); *Он же.* Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 7-12. О доверии, ответственности и других универсальных механизмах, моральных основаниях социального порядка в современном обществе см.: *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002.

постсоветского человека, сколько со стороны *институтов*, как они понимаются массовым сознанием. Мой интерес в том, чтобы выявить, наметить возможности институционального подхода к социальной реальности современной России в дополнение к антропологическому, а точнее, связать институциональный и антропологический подходы через массовые образы (нормативные значения) социальных институтов. Для начала напомним сводные данные ВЦИОМ по проблеме доверия основным социально-политическим институтам (табл. 1).

Таблица 1

Массовое доверие социально-политическим институтам общества
(отношение положительных ответов к отрицательным,
ранжировано по уровню показателя в 1989 г.)

Институты*	1989 г.	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001г.	2002 г.
СМИ	5,0	1,1	0,8	1,3	1,2	1,2	1,3	1,1	1,1	1,3	1,0
Армия	5,0	2,7	3,4	1,1	0,5	1,4	1,4	1,9	4,8	1,9	1,4
Церковь	4,6	4,2	2,7	5,9	1,6	3,4	2,6	2,7	3,2	3,1	3,3
ФСК-КГБ	3,6	1,1	1,2	0,6	0,3	0,5	0,7	0,8	1,3	1,2 j	0,9
Правительство	2,8	0,3	0,5	0,1	0,2	0,2	0,1	0,4	1,1	1,0	0,9
Парламент	1,6	-	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,7	0,3	0,3
Милиция, суд, прокуратура	1,2	0,7	0,4	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	-	-

Приведен не весь список, фигурирующий в анкетах.

Как видно из данных таблицы 1, для начального этапа периода провозглашенной перестройки характерно достаточно высокое доверие большинству институтов советского общества в период провозглашенной перестройки. Показателен именно их набор в разнообразии значений, полюсом максимального доверия выступают при этом масс-медиа. Но довольно быстро (к 1993 г.) это сменяется отказом в доверии фактически всем институтам, кроме армии и церкви. Затем следует фаза короткого периода ослабления доверия даже к этим институтам (отрицательный пик здесь приходится на 1996 г.), а позже армия и церковь снова становятся в общественном сознании опорными точками всей конструкции "воображаемого общества". С конца же 1999 г. эту конструкцию венчает фигура исполняющего обязанности, а затем полномочного президента В.Путина. На нынешний день лишь три названные институции остаются в зоне преобладания позитивных оценок населения (им "полностью доверяют", их безоговорочно "оценивают положительно"). Данный феномен я и хочу обсудить. Но для этого придется сделать теоретическое отступление о процессе модернизации в его основной проблематике.

Ключевая структурная проблема модернизации — соединение параметров символической идентификации (критериев принадлежности и форм солидарности) с мотивами и механизмами состязательности (элементами достижительности и дифференциации). Вопрос об идеальном моменте этих процессов — рациональном компоненте социального действия — и о новых элитах и институтах, складывающихся на этой идеальной основе, уже возникал на предыдущей конференции¹. В структурном плане осью кристаллизации общества при этом становятся состязательные элементы действия, закрепляемые в системе социальной стратификации, — в позициях элитных групп, формах выражения их социального и культурного престижа и т.д. Тем самым разрешением проблемы модернизации в плане социальной структуры выступают ключевые институты современных обществ, такие, как рынок (биржа), гласный состязательный суд, выборный парламент (групповое представительство на основе опять-таки гласного состязания партийных программ и лидеров в ходе электорального марафона). Модельным институтом, на начальных фазах модернизации притягивающим наибольшую активность акторов, становящимся сферой их наиболее успешной реализации, областью наибольших и наиболее признанных достижений здесь, видимо, является рынок. Понятно, что впоследствии именно он и принимает на себя общие согласованные значения социального института как такового, становится нормативным шаблоном для восприятия и оценки других институтов, метафорой общества в целом. Характерно, что в Америке язык торга, согласования интересов, сделки становится метафорическим ресурсом для описания не только политических или судебных институтов, но и культурных систем, казалось бы, наиболее далеких от торговли, например, литературы (это показано в недавней монографии Т.Венедиктовой²). Можно сказать, что каковы "идеальные" значения человека, таковы и ведущие элиты данного типа общества, таковы же модельные институты его воспроизводства.

Для российского, а впоследствии советского общества, для идеологии модернизации в России определяющими являются критерии символической принадлежности, формы идентификации с символическим целым. Социальные различия, кроме архаических, аскриптивных противопоставлений своего—чужого, высшего—низшего, непонятны для членов традиционалистского сообщества, загадочны и подозрительны для коммунитарного сознания. Осью структуризации подобного уравнительного целого (совокупности рав-

¹ Дубин Б.В. Страна зрителей: Массовые коммуникации в современной России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актёры, макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 308-309.

² Венедиктова Т.Д. "Разговор по-американски": Дискурс торга в американской литературной традиции (в печати).

ных в своей принадлежности к нему и сплоченных этим равенством) здесь выступает ось — однонаправленный иерархический контроль — "лестница" командного управления, возглавляемая неконкурентной фигурой вождя. Структура общества в России фиксирует принципиальный разрыв между горизонтальным и вертикальным измерениями — массой и властью. Более того, для массового сознания вождь здесь воплощает в себе не столько дифференцированную власть (по модели руководителя, начальника), сколько *неконтролируемую управу на власть*, возможность экстраординарного ее упразднения (по типу "ревизора"). В этом плане модернизацию по-русски можно назвать *институционализацией несостоятельности*. Соответственно, парадигмальные формы организации, модельные институты здесь командно-приказные, однонаправленно-иерархические.

В подобных условиях модельным институтом, соединяющим новые значения современного, открывая возможности карьеры и пр., но вместе с тем опирающегося на старые, традиционные значения иерархического контроля и внеконкурентного господства, выступает армия. Но армия — не столько как социальный механизм современной войны и даже не как инновационная структура рациональной бюрократии, сколько как модель управляемого и несоревновательного коллектива, своего рода *военная дружина*. Фигура главы подобной иерархии — не прагматический деятель-специалист в той или иной области, не вышедший из кругов элиты публичный лидер-демагог и пр., а символ недифференцированной силы. Признаками упорядоченности в советском обществе обладали именно такие организации, структуры такого типа. Они и оказываются теперь для большинства населения воплощением порядка, метафорой общества как такового (соответственно, по контрасту, — мерой "отклонения", "бардака" и пр.). Отсюда — высокая согласованная оценка силы, ее "понятность", заведомая приемлемость и фактическое принятие. Отсюда же — всегдашний символический престиж силовых структур (но не инструментальная их эффективность и даже в отсутствие подобной эффективности — скажем, при восприятии армии в качестве "жертвы", как это было в работе масс-медиа и в массовом сознании периода первой Чеченской войны).

Подчеркну, что армия в такого рода представлениях — именно символическая модель общества, а не реально действующий институт. Показательно, например, что россияне крайне редко отождествляют с армией политическую власть в стране и не ждут от нее подобных самостоятельных властных шагов. Приведем распределение ответов на вопрос: «Когда Вы говорите "власть", то кого Вы прежде всего имеете в виду?» (в % от общего числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%; январь 2001, N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Президент	68
Правительство	44
Местные власти	25
Государственная Дума/Совет Федерации/ Федеральное собрание	18
Ближайшее окружение Президента	11
Милиция	11
ФСБ/армия/силовики	9
Начальство на работе	9
Суд, прокуратура	7
Олигархи	6
Криминальные структуры	6
СМИ	1
Затруднившиеся ответить	4

Более четырех пятых из опрошенных в июне 2001 г. (N=2000 человек) не считают, что власть в стране должна принадлежать армии, число тех, кто одобрил бы подобную конструкцию власти, в 5,5 раз меньше. Доля тех, кто полагает, что представители армии так или иначе оказывают сегодня влияние на ситуацию в стране (чуть больше трети опрошенных в том же исследовании), равна доле тех, кто так не считает. Иными словами, армия в подобных оценках — обобщенный образ силы без *власти*.

Вероятно поэтому высокая оценка армии как символического образца социальной упорядоченности вполне может соседствовать в массовом мнении с представлениями о коррумпированности реальных армейских структур (более трех пятых респондентов из 2 тыс. опрошенных в январе 2001 г. согласны с тем, что в нынешней армии в значительной мере распространены коррупция и взяточничество). Соответственно, символический престиж этого института не исключает значительной настороженности россиян по отношению к армейской службе и стремления молодежи в массе избежать военного призыва.

На подобном фоне все другие формы социальной организации в советском обществе принимали в той или иной мере адаптивно-компенсаторный характер. Однако стоит отметить, что даже заметно развившиеся в брежневскую эпоху "теневые" механизмы социального взаимодействия, казалось бы, компенсирующие общественную стагнацию, носили опять-таки несоревновательный характер. Рано или поздно это должно было привести общество к коллапсу. Различные формы привилегий и "блата" представляли собой подчеркнута временное разрешение на пересечение нормативных границ, в обычной практике — запретных (метафорически говоря, были контрамаркой, но не билетом). Больше того, всякого рода символи-

ческие пропуска ("корочки") выдавались инстанциями власти и распорядителями ресурсов именно в знак отказа от состязательности. Они носили традиционалистский характер удостоверения в принадлежности к закрытому коллективу "приобщенных".

Однако партикуляристские отношения "своих" по модели семьи, рода или клана не образуют современного "большого" общества и не могут быть положены в основу его несущих институтов. Если говорить об антропологических моделях, лежащих в истоке модернизационных процессов дифференциации и институционализации различных типов социального действия, то центральной для Запада, видимо, является не архаическая, традиционалистская конструкция "своего" и "чужака", а символическая фигура человека как "любого и всякого", "каждого", можно сказать, "первого встречного" (в последующем развитии, если брать предельную форму, она принимает вид "массового человека").

Одно из звеньев в культурной разработке этого символического комплекса в Европе — такой герой раннебуржуазной городской драмы и протестантского назидательно-аллегорического романа, как Эвримен (в Голландии — Элкерлейк), Имярек или Никто (Немо) — обобщенный, предельный Другой, но не конкретный "Ты", не "Я" и не "Он"¹. Воплощенная в нем позитивная оценка Другого, не похожего на "Тебя", но столь же самоценного, как "Ты", и нужного "Тебе" именно в этом самостоятельном качестве, кладется в основу рационального поведения, социального взаимодействия как такового. Рамками подобного действия, набором его мотивов и ориентиров предопределяются феномены общественного успеха и признания актора. На этой основе формируются новые элиты общества, выступающие двигателями модернизации, а затем — ее символами, символами успеха всего этого крупномасштабного социального процесса.

В связи с этим исходная проблема доверия институтам поворачивается другой стороной: вопрос теперь не столько в том, что означает такое *"доверие"*, сколько в том, что значит тот или иной *институт* (на фоне модельных). Социологи сегодня часто имеют дело со словами парламент, рынок, масс-медиа, даже армия, церковь и пр., обозначающими разные конструкции реальности — в России и на Западе, на первых фазах перестройки и во второй половине, тем более в конце 1990-х годов. В частности, для сравнения с данными по России (где в 1990-е годы не реже одного раза в месяц церковь посещали от 5 до 9% россиян) укажу, что в США в 1992-1999 гг. еженедельно бывали в храме или синагоге 23% респондентов до 29 лет и вдвое больше — самых пожилых американцев². И это лишь количественные различия. Если же говорить о

¹ См. о нем, например: *Calmann G. The Picture of Nobody: An Iconographical Study // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1960. N 23. P. 60-104.*

² См.: *Ehmann C. The Age Factor in Religious Attitudes and Behaviour <<http://gallup.com/poll/releases/pr990714b.asp>>.*

семантическом ореоле институтов, то напомню, что в конце 1980-х годов церковь выступала в общественном мнении элементом *нового*, перестраивающегося социального устройства, противостоявшего традиционному советскому. Такова, в частности, была позиция демократических сил и лидеров в тот период. Сегодня ситуация качественно иная: и церковь, и церковные иерархи все чаще защищают откровенно фундаменталистские идеи, державные, агрессивно-националистические образцы, мобилизуют, адаптируют, используют наиболее консервативные установки, оценки, настроения массовых слоев. Или взять другой институт — масс-медиа. Для общественного мнения конца 1980-х годов они (прежде всего печать) были синонимом многообразия и перемен, тогда как для конца 1990-х годов они — и прежде всего телевизор — синоним единообразия и повторения и т.д.¹

Слово "элементарные" в заглавии статьи означает не "простейшие", а "первичные", "основные". Если возвращаться к приведенным прежде данным о массовом доверии, то можно сказать, что временно допущенная в конце 1980-х — самом начале 1990-х годов риторика рынка, многопартийности, парламента и т.п. сменилась возвращением к прежним опорным элементам конструкции социального. Их смысловая привычность, узнаваемость, понятность для масс опознаются, в частности, в терминах доверия.

Сегодня можно говорить о нескольких символических кодах, в терминах которых масс-медиа, популярные политики, "средний человек" воспринимают и описывают общество, его институты, социальную жизнь в стране. Ключевой метафорой общества выступают воплощения силы. Такова армия в качестве модели простейшего и наиболее управляемого иерархического порядка, олицетворения "своего" — как коллективное "мы", "лучшее в нас", вообще "все лучшее".

Другой "ключ" к тому же символическому коду представляет фигура президента (символический образ, а не реальный чин и его носитель!). Это — несущая деталь всей воображаемой конструкции общества, включая конструкцию доверия институтам. Так было уже в ельцинские времена. Можно предположить, что именно потеря доверия Б.Ельцину и предельно низкие оценки его перспектив накануне избирательного марафона 1996 г. дали тогда наиболее низкие за все время замеров показатели массового доверия россияне ко всем институтам, включая даже наиболее значимые для них — церковь и армию. На подобном отрыве от реальных структур любой ветви власти сегодня строится массовый имидж В.Путина. Но "наибольшее доверие" В.Путину дает и максимальные оценки доверия всем другим ведущим институтам современного российского общества — армии, органам госбезопасности, церкви, масс-медиа².

¹ См. об этом: Кто и куда стремится вести Россию?.. С. 297-310.

² См. выразительные данные по этому поводу, приводимые Ю.А.Левадой: Мониторинг общественного мнения... 2001. № 3. С. 9.

Еще один символический код (другая развертка той же конструкции социального мира) репрезентирует общество в качестве "церкви". Ведущими в этой конструкции выступают магические значения "нездешней силы", задающие интеграцию вокруг образа церкви и ее патриарха в их значении синонимов национально-государственного целого, российско-державного, коллективного "мы"¹. Оба эти символических кода выступают для массового респондента как модели должного (в той же модальности, как уже говорилось, воспринимается и фигура президента страны). Обращает на себя внимание, что в обоих этих конструкциях социального мира отношения между людьми представлены как антибуржуазные — не достижительские, не состязательные и пр. Можно сказать и по-другому: чем дальше тот или иной социальный институт отстоит от принципов состязательности и достижительности, тем больше массового доверия ему со стороны россиян можно ожидать и наблюдать. Церковь и армия — наиболее "традиционные" из массовых институтов современного общества.

Третий код — это, напротив, символический код реальности, публичной реальности, коллективных самопредставлений сегодняшнего российского общества, того, что есть. И здесь характерно не только то, что общество — в частности или даже по преимуществу его более современные, состязательные институты, например, политические партии или парламент — понимается населением как зрелище и что это зрелище несет телевизор. Дистанцированный характер зрительства, конечно, важен. Но не менее существенно собственно содержание "спектакля", его жанровый характер. Обобщенно говоря, это жанр "бардака", "цирка". Вероятно, первые признаки подобного отношения к обществу как зрелищу (и чаще — зрелищу забавному) проявились у российского населения еще в первой половине 1990-х годов. Может быть, генеральной репетицией здесь выступила телетрансляция октябрьских событий 1993 г. Видимо, с таким отношением к политической реальности можно в немалой степени связать и победу на тогдашних выборах такого виртуозного шоумена в шутовской маске, как В.Жириновский².

Дело не ограничивается тем, что телевидение *отражает, показывает* бардак в стране. Главное в том, что оно *оценочно моделирует* зрительское отношение к происходящему как комическое, шутовское, по модели нелепого гэга или шока, представляет гаером самого зрителя (так в старинной русской лубочной картинке "Трое нас с тобою, шальных, блажных дураков" смеются не только над

¹ О синтезе этих значений в массовых представлениях о религии и церкви см. статьи автора: Дубин Б.В. Православие, магия и идеология в сознании россиян (90-е годы) // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем. М., 1999. С. 359-367; *Он же*. Массовое православие в России (девяностые годы) // Индекс: Досье на цензуру. 2000. № 11. С. 115-120.

² См. об этом: Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 230.

двумя изображенными героями-дурнями, а над смотрящим на них третьим¹). Вероятно, с подобной модальностью показа и восприятия социальной, политической, культурной жизни в России связана массовая популярность юмористических шоу, которые в 1990-е годы неизменно входят в тройку наиболее популярных у населения типов передач (желание "расслабиться", на которое ссылаются при этом опрошенные, для социолога не столько ответ о мотивах просмотра, сколько новый вопрос: от чего и как, на каких значениях и в каких формах респонденты "расслабляются"). В число лидеров популярности у телезрителей входят также политические новости (зрелище "виртуальной власти") и криминальная хроника. Подчеркнутое на экране и заранее оцененное постановщиком "спектакля" отклонение от нормы негативным образом отсылает к модельным структурам "должного" и "правильного", которые на примере "армии" и "церкви" описывались выше. Таков в сегодняшней России крайне громоздкий, смещенный механизм постепенного усвоения новых значений через их ценностное снижение, реминисценцию к прежним, привычным.

Наконец, уровень повседневной реальности фиксируется *индивидуальными и семейными* тактиками прагматического выживания, принудительной адаптации. Подчеркну, что он, с его предельной социальной и культурной простотой, в данном случае — ведущий. При отсутствии элит и неразработанности идеальных компонентов действия и образа человека (нецивилизованности практик повседневного выживания) адаптация явочным порядком становится господствующей моделью действия, воспроизводимой (в виде двойного кода пассивного приспособления) и всеми модельными институтами советского и постсоветского общества. К тому же следует учесть, что 90% россиян сегодня² не состоят ни в каких общественных организациях. В условиях подобного дефицита институциональных систем обобщения и опосредования групповых интересов, демпфирования межгрупповых конфликтов при столкновении разнонаправленных интересов и пр. основополагающей формой социальных связей становятся замкнутые отношения "своих", в принципе не допускающие универсализации и препятствующие социальному достижению, культурному рафинированию³.

Предельно ограниченные ресурсы несимметричного и однонаправленного обмена ("блат", взятка, "благодарность" и т.п.) мобилизуются при этом людьми для обеспечения минимального уровня социальных благ, как будто бы положенных им всем. Однако эти

¹ Это изображение можно видеть в кн.: *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб, 1881. Т. 1. Л. 197

² Данные опроса "Мониторинг" (март 2002 г., N=2107 человек).

³ Подробнее см.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* "Нужные знакомства": Особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 3.

блага могут быть добыты лишь большими усилиями и при условии, что доступ к ним наделен значениями особого, неординарного и в этом (только в этом!) смысле — персонализированного. Более низкая по статусу просящая сторона стремится разорвать отношения анонимности с инстанциями власти, распорядителями элементарных ресурсов ("Вы меня помните?"), тогда как распорядители, напротив, стараются придать отношениям с просителем анонимный характер ("Много вас тут..."). Областями так или иначе обобщенного, относительно рационального и калькулируемого поведения становятся отношения, находящиеся на грани или за чертой законности. И наиболее формализованными, четко таксированными среди подобных отношений в обход закона выступают опять-таки именно те, которые хоть как-то предохраняют индивида от принудительного и безальтернативного воздействия командно-иерархических отношений, основного и простейшего кода социальности в России. Такова практика обеспечения отсрочки или освобождения от срочной службы в армии. Фактически взятка — доверительный обмен — представляет здесь плату за уклонение от общего (всеобщего).